

СТЕНОГРАММА

круглого стола «Теологическое образование в классическом университете»

20 июня 2012 года

Профессор Сергей Игоревич Богданов, доктор филологических наук, проректор СПбГУ по обеспечению реализации образовательных программ и осуществлению научной деятельности по направлениям востоковедение, африканистика, журналистика, искусства, связи с общественностью и филология:

– Учёный совет факультета искусств некоторое время назад рассматривал вопрос о возможности создания нового факультета – это хорошо! Хорошо, что это происходит на одном из самых молодых наших факультетов. Это абсолютно не является фактором, который может определить это решение. Это конечно не так. Но то, что находятся люди, которые об этом говорят с интересом, это уже не первый раз на моей памяти за сорок лет работы в Петербургском университете, это очень хорошо. Я сам вижу свою задачу в том, чтобы обеспечить возможность широкого обсуждения университетской общественностью этого вопроса. Вот сейчас он находится в такой, коллеги, фазе. Как вы знаете, общественный интерес к этому уже есть и очень большой. И это тоже хорошо. Многие изменения, которые сейчас происходят в Санкт-Петербургском университете, ну хотя бы даже взять изменения системы работы специализированных советов, они направлены на то, чтобы обеспечить возможность самого широкого участия университетской общественности, научной общественности нашего города в решении важных, сущностных вопросов, важных для жизни университета. Но что происходит сейчас, происходит именно, коллеги, в этом жанре. Я уверен, что сегодня будет содержательное обсуждение этого важнейшего для университета вопроса и я со своей стороны желаю успеха нынешнему круглому столу. Спасибо.

Вопрос из зала:

– Можно мне сказать.

Протоиерей Кирилл Владимирович Копейкин, кандидат физико-математических наук, кандидат богословия, директор Научно-богословского центра междисциплинарных исследований факультета искусств СПбГУ, секретарь ученого совета СПбДА:

Подождите, может быть сначала...

Из зала:

– Дело в том, что у меня работа. Я вот, рискуя работой, иду к вам...

Шум в зале.

А всех остальных – нет.

Проф. С.И. Богданов:

– Давайте дадим возможность выступить.

Выступающий:

– Я закончили Институт богословия и философии, это нынешняя РХГА, бакалавр я. Работал долгое время в школе и поэтому в какой-то степени могу про это сказать, о теологии и о том, что мы сейчас начнем тоже говорить. Я хочу сказать, что теология в данный момент представляет очень важный, центральный фундамент для не просто даже университетов, для всего так скажем, в частности и России. Потому что получается такая ситуация, когда человек, окончивая какой-то факультет, он часто не представляет о том, что... т.е. о самой вере ничего, в частности, не знает и начинает судить о ней чисто поверхностно. Вот, в частности, можно многих выпускников нашего вуза, я сталкивался с ситуацией, когда они приходили и вообще их не воспринимали как даже людей, получивших какое-то высшее образование. Многие из них сейчас люди совершенно светские, ничего не представляющие, высказывающие о вере какое-то свое мнение из каких-то чисто внешних источников, поверхностных. Поэтому теология в данный момент представляется на мой взгляд моментом, который позволит культуру так скажем установить, показать, что она является главным, культуuroобразующим элементом, именно теология. В частности мы можем вспомнить Макса Вебера, который говорил о том, что, в частности, протестантизм в какой-то степени образовал современный облик Европы. Можно назвать ряд других представителей. Получается так, что именно благодаря теологии сам мир меняется. Сейчас многие представители разных конфессий приходят, высказывают свое мнение, представляют это, и часто оказывается так, что многие люди светские не могут им возразить. Простой пример, в Европе недавно совершенно запретили носить на работе кресты. Ссылаются, говорят, что дескать, у вас нигде в Библии не написано, что крест носить нужно. Покажите. То есть это типичный пример утраты Европы теологического образования, хотя у них есть богословские факультеты и все это было. Но вот это пример того, что когда Библия считается как будто бы только единственной основой. Священное Предание *<неразборчиво>*. Получается, что есть свои толкователи. Они ничего не могут возразить на такой аргумент простой, в исламе указано пожалуйста носите, *<неразборчиво>*, а вот кресты, пожалуйста нельзя носить. Потому что это, дескать, только украшение. Т.е. получается, что сам фундамент в частности европейской культуры он без теологии, без знаний в области фундаментальных, он шатается, он размывается совершенно. Потом я хочу сказать, что к сожалению у многих людей светской культуры никакого представления, а что собственно такое духовное образование нет. Вот это остается своего рода на сегодняшний момент самым главным. Вот, что я хотел сказать.

Прот. К.В. Копейкин:

– Спасибо.

Проф. С.И. Богданов:

– Дорогие коллеги, спасибо большое, коллеги, за высказывания, которые демонстрируют самое главное, о чем хотел я сказать: вопрос действительно важный, актуальный, интересный для всех. Самые разные люди этим заинтересованы, поэтому это главное. А сейчас, чтобы у нас круглый стол шел хоть в каких-то рамках, я должен передать слово отцу Кириллу, который у нас директор нашего Центра, который уже несколько лет

функционирует в составе Санкт-Петербургского университета и соответственно в качестве ведущего отец Кирилл <неразборчиво>. Спасибо.

Прот. К.В. Копейкин:

– Спасибо. Я хотел бы для, чтобы общее пространство сформировать обсуждения, сказать несколько слов.

29 марта 2012 года Ученым советом Факультета искусств было принято решение ходатайствовать о рассмотрении вопроса об открытии в Университете образовательной программы по направлению «Теология», о создании Теологического факультета, где изучение разных религий происходило бы в общем пространстве культуры, и о проведении круглого стола «Теологическое образование в классическом университете», который, собственно, вот сейчас мы с вами и организовали.

Петербургский государственный университет традиционно причисляет себя к числу классических. Классические университеты, как вы знаете конечно, возникли в Германии в начале XIX века. И вот в образовательной системе, которая сложилась в классическом университете, философия стала решать ту задачу, которую когда-то решало богословие в университете средневековом – задачу выстраивания архитектоники всего универсума человеческого знания, и, собственно, самая главная задача, лежащая в основании университета – это идея *универсальности* знания – не просто знания, раздробленного на множество частных, а знания, которое способно с единой точки зрения охватить все целое, весь Универсум. И вот в эпоху средневековья фактически главным факультетом университета был теологический факультет. Это связано с тем местом, которое занимала теология в системе средневекового знания. Теология, понятно, буквально – наука о Боге. Но зачем человеку нужна наука «о Боге». Поскольку церковь претендовала на то, что она исполняет функцию даровать человеку спасение, то одной, главной, собственно, задачей теологии было приводить человека ко спасению. А что такое спасение? Буквально этимологически это восстановление *целостности, исцеление*. И вот задача теологии в эпоху средневековья как раз в том и заключалась, чтобы выстроить такую иерархическую систему знания, в котором всё бы находило своё место, и человек... как бы дать ему такую иерархию ценностную.

В классическом университете то место, которое в средневековом университете занимала теология, заняла философия. И вот Кант в своей работе «Спор факультетов», которая была написана в самом конце XVIII века писал следующее: «философский факультет, поскольку он обязан ручаться за *истинность* учений, которые он принимает или хотя бы допускает, должно мыслить как свободный, подчиненный только законодательству разума <...> Он служит для того, чтобы контролировать три высших факультета [а высшими назывались богословский, юридический, медицинский] и тем самым быть полезным им, ибо важнее всего *истина*. <...> Философский факультет может, следовательно, претендовать на то, чтобы быть испытателем истинности всех учений»; более того, дальше Кант пишет «разум, имеющий своей целью истину, стало быть философия, притязает в случае спора на преимущественное право определять смысл тех или иных мест Писания».

Однако, несмотря на свои тысячелетние усилия, к сожалению, философия так и не сумела выработать такой универсальной системы общезначимых положений, которые бы разделялись всеми мыслителями-профессионалами. И вот в 1929 году Гуссерль писал

следующее: «Раздробленность современной философии и ее бесплодные усилия собраться заставляют нас задуматься. Вместо единой живой философии мы имеем выходящий из берегов, но почти бессвязный поток философской литературы. <...> Хотя у нас проводятся еще философские конгрессы, на них, к сожалению, собираются философы, но не философии. Им недостает единого духовного пространства, в котором они могли бы сосуществовать, воздействовать друг на друга».

Гуссерль эти слова написал за 4 года до того момента, который ряд исследователей определяют как момент конца классического немецкого университета: в 1933 году в нацистской Германии были ограничены академические автономии дабы преобразовать классический университет в университет, который бы формировал нацистское мировоззрение. И вот неспособность классического университета противостоять натиску разрушительной идеологии в Германии была воспринята как крах идеи классического университета. И эта неспособность была связана с таким вот вне-этическим характером научного знания, в результате чего возник тот смысловой вакуум, который в научно-ориентированной культуре порой заполнялся идеологией. В Германии это была фашистская идеология, в России это была коммунистическая идеология.

Если в конце XVIII века Кант утверждал, что «философский факультет может <...> претендовать на то, чтобы быть испытателем истинности всех учений», то в конце XX столетия нобелевский лауреат Стивен Вайнберг писал: «мне не известен *ни один* ученый (Вайнберг выделяет курсивом), сделавший заметный вклад в развитие физики в послевоенный период, работе которого существенно помогли бы труды философов».

Получается так, что философия не смогла реализовать тех претензий стать универсальным, как писал Кант «испытателем истинности всех учений», которые она изначально выдвигала. И в середине XX века Ясперс писал следующее: «То, что из непреложных оснований признается каждым, становится тем самым научным познанием и не является больше философией, а относится к конкретным областям знания». Сегодня таким общезначимым непреложным знанием является, прежде всего, знание объективное.

Здесь возникает проблема. Дело в том, что объективные методы познания, принятые на вооружение современными науками, естественными в первую очередь науками, они не позволяют включить в научную картину мира личность – личность не только Бога, но даже и человека. Более того, объективация выводит за пределы научной картины мира сознание, и вообще все психическое. Понятно, что научная картина мира, она нуждается в углублении, расширении, которое позволило бы добавить живое, личностное, экзистенциальное измерение бытия.

Мне представляется, что понятие личности в научную картину мира может прийти так же, как оно пришло в культуру – из Откровения Личностного Бога. Выдающийся знаток античности Алексей Фёдорович Лосев, он писал, что классическая античная культура, она не только не знала понятие личности, там даже не было слова, которое можно было перевести как личность. Представление о личности, оно попало в античную культуру, которая является фундаментом культуры европейской, от Филона Александрийского, т. е. из Библии. Собственно, главная особенность так называемых «авраамических религий» – иудаизма, христианства и ислама, которые уходят своими корнями в библейское Откровение, вот эта особенность главная заключается в том, что, вступая в отношения с

Богом как с Личностью, Личностью абсолютной, человек осуществляет себя как личность в абсолютном смысле этого слова. И вот поэтому построение целостной картины мира, которая бы включала в себя, в том числе и человеческую личность, невозможно без учета знания богословского, которое представляет собой вопрошание о человеческой сущности, не сводимой к биологическому или социальному существованию, и это богословское знание естественно должно быть неотъемлемым элементом знания гуманитарного.

Конечно, у нас возникает вопрос, какое именно богословское знание мы можем иметь в виду, потому что у нас имеется... ну, даже если мы говорим только об авраамических религиях, у нас там, скажем, внутри христианства мы видим православие, католицизм, мы видим массу протестантских деноминаций. Какое именно богословие брать? При этом каждая религия естественно, она претендует на то, что она обладает абсолютной истиной, и каждое богословие естественно тоже претендует на то, что оно эту абсолютную истину может представить. Я думаю, что эта претензия средневекового богословия на обладание абсолютной истиной, она была связана с тем, что тогда все таки религиозные традиции существовали достаточно изолированно друг от друга. Мир, в котором мы сегодня живём совершенно другой. И сегодня мы должны жить в общем пространстве и находить общие точки соприкосновения. И вот сегодня, мне представляется, задача должна заключаться в том, чтобы вполне в университетском духе, выстроить такую систему, в которой органично бы входили разные теологические системы как некие части одного единого целого.

Мне представляется, что это ни в коем случае не может быть названо экуменизмом. Почему? Потому что... мы сегодня перед началом Круглого стола разговаривали... конечно, дело в том, что есть разное понимание экуменизма, но вот, к сожалению, то понимание экуменизма, которое, по крайней мере в православной церкви, когда в годы активно начались в 90-е годы экуменические контакты, оно возобладало, оно заключается в следующем. Вот мы ищем то общее, что есть в разных религиозных традициях и как бы от этого начинаем отталкиваться. Ну, понятно, что это общее – это нечто минимальное, то, что не может быть фундаментом и почвой для какого-то общего процесса взаимодействия. Мне кажется, что здесь задача должна была бы заключаться в том, чтобы найти не минимальные пересечения различных религиозных традиций, а найти как бы некую метапозицию, с которой можно было бы эти разные религиозные традиции увидеть как часть единого целого. И эта задача мне представляется чрезвычайно значимой как с научной точки зрения, так на самом деле и с социальной, потому что проблема сосуществования различных религиозных традиций, она актуальна сегодня чрезвычайно. Все это понимают.

В России система высшего образования, которая сложилась, ну, начала складываться в эпоху петровских реформ, она возникла именно как система секулярного образования. Это было связано, прежде всего, с тем, что Пётр не доверял церкви потому, что она была для него частью старого мира, который он хотел перестроить и переделать, и хотя богословие преподавалось в университете, в общем, это по существу это не была научная дисциплина такая же, как все остальные научные дисциплины. Теология преподавалась...

Профессор Марианна Михайловна Шахнович, доктор философских наук, председатель научной комиссии – заместитель декана по научной работе факультета свободных

искусств и наук, заведующая кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета СПбГУ:

– Закон Божий, не теология... Теология в Санкт-Петербургском университете никогда не преподавалась.

Прот. К.В. Копейкин:

– ...да, да... Закон Божий... теология преподавалась, ну, богословие в религиозных учебных заведениях, которые, фактически, выполняли роль «профессиональных училищ». И это привело к тому, что теология как наука в России не развивалась. Поэтому в начале XX века, когда обсуждались принципы предстоящей реформы духовного образования, ряд профессоров духовных академий, они настаивали на необходимости создания богословских факультетов. Скажем, профессор Санкт-Петербургской Духовной академии Николай Никанорович Глубоковский, он говорил о том, что только на богословском факультете, который существует, существовал бы в университете по образцу западных университетов, возможно органично развивать богословское теологическое знание. Об этом же говорил и профессор Киевского университета Павел Яковлевич Светлов.

Сегодня, вот скажем, если говорить о ситуации в Духовных школах. Ну вот, то, что я знаю православное духовное образование... Фактически, преподается в Духовных учебных заведениях не богословие, а история богословия. И если мы посмотрим на учебные программы, то мы так увидим. И это нашло своё отражение в том, что сегодня образовательный стандарт по теологии, ну, так как он существует, он, фактически, повторяет стандарт по религиоведению. И конечно, это является, мне кажется свидетельством того, что теология сегодня находится в печальном состоянии.

Мне кажется, что сегодня у нас может появиться уникальная возможность разработать, благодаря тем возможностям, которые предоставляет нам университет, разработать собственный стандарт по теологии, который выполнял бы именно теологические задачи, который не пересекался бы со стандартом религиоведческим. Хотя религиоведение, мне кажется, оно, конечно, необходимо как дисциплина. И попробовать выстроить именно такую систему знания, которая не была бы просто конфессионально ограниченной, а которая подразумевала бы некий общий универсальный взгляд, то, что собственно характерно для науки, то, что характерно для университета, который бы позволял увидеть разные религиозные традиции как части одного единого целого.

Пожалуйста, может быть какие-то у вас будут на это реакции. Я просто попытался некое общее пространство... Пожалуйста.

Сергей Глебович Медведев, доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Зоологического института РАН, заведующий сектором отдела религиозного образования и катехизации Санкт-Петербургской митрополии:

– Задача более чем достойная. Вот даже практикующий теолог, который выступил первым, он объявил первую задачу, что фактически вы неправы. Ваш диплом не признается нигде. Так получается.

Прот. К.В. Копейкин:

– Да.

С.Г. Медведев:

– ...поэтому, конечно, в этом вопросе необходимо просто хотя бы этим заняться для того, чтобы решить эту проблему, чисто, скажем, техническую. Но ведь проблема более, чем... все-таки я вот как биолог, зоолог, систематик, я как белая ворона себя немножко чувствую здесь среди гуманитариев известных *<неразборчиво>* Она настолько разошлась уже, у нас понятие дивергенции существует в биологии, настолько сейчас все дифференцировалось и разошлось, и как вот найти в этой текущей ситуации начала XXI века все вот эти пересечения – это задача чрезвычайно сложная. Мне кажется, что очень важна сейчас роль лидера здесь, кто возьмет на себя вот это все и сумеет найти консенсусы среди тех возражений, которые, видимо, сейчас могут быть *<неразборчиво>* в больших количествах. Задача действительно чрезвычайно сложная и в тоже время чрезвычайно актуальная. Наверное, стоит поискать какие-то решения.

Проф. М.М. Шахнович:

– Можно задать вопрос молодому человеку, который говорил о сложности *<неразборчиво>* Ваш вуз, когда Вы закончили, он имел аккредитацию государственную?

Ответ:

– В том-то и дело, что он имел только не аккредитацию, а лицензию.

Проф. М.М. Шахнович:

– Вот в этом вся проблема. Это центральный вопрос. И, собственно говоря, Правительство наше, когда создавало стандарт по теологии, оно как раз и предполагало, что появление этого стандарта будет способствовать тому, что духовные школы, а также светские образовательные учреждения, где будет осуществляться образование по стандарту «теология», будут получать государственную аккредитацию. И очень ограниченное число вузов имеют на это право, потому что там должен быть соответствующий кадровый состав. То есть как только вуз получает государственную аккредитацию, он получает и соответствующий документ, который в равной мере (не просто уравнивает), а поднимает ваши права в соответствии со всеми *<неразборчиво>* получившими государственной дипломам. Ради этого, собственно говоря, и была организована вся эта история со стандартом «теология». Я принимала в этом процессе участие и продолжаю до сих пор принимать. Поэтому вот коллега сказал, что надо что-то с этим делать. Делается!

Реплики из зала: *<неразборчиво>*

Прот. К.В. Копейкин:

– Пожалуйста.

Пастор Антон Тихомиров, ректор Теологической семинарии Евангелическо-Лютеранской церкви:

– Я бы хотел подчеркнуть, что создание такого рода факультета имело бы двойную пользу не только для наших церквей, поскольку развитие богословия, развитие теологии крайне актуальная задача как для больших, так и малых церквей, существующих в нашей стране. Оно имело бы существенное значение и для более широкой общественности, потому что по-настоящему понять, чем живет церковь, что она учит, можно по-настоящему изнутри, от ее представителя. Когда преподавание основ вероучения осуществляется специалистами извне, как бы они не были квалифицированы, это взгляд извне, который не отражает, действительно не отражает реального положения дел. Поэтому для того, чтобы как можно больше людей могли бы познакомиться с таким взглядом изнутри, для этого такой факультет был бы крайне важен. И вот здесь, мне кажется, важно было бы избежать некоторой опасности того, что вот эта конкретность такого взгляда изнутри в каждом случае конкретной церкви, конкретного богословия окажется размыта. Поэтому я бы выступал за такую модель, которая, в общем-то, и в Европе и в некоторых местах опробована, и мы об этом уже дискутировали, которая подразумевала бы наличие различных кафедр в зависимости от конфессиональной или религиозной принадлежности тех или иных представителей. И все это могло бы объединяться, скажем, общеобразовательными дисциплинами, некоторыми, скажем, общими религиозными курсами. Мне кажется, такая модель была бы самой удачной. Спасибо.

Александр Владимирович Сизиков, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры библеистики филологического факультета СПбГУ:

– Наша программа по библеистике она была создана в 2002 году и с 2006 года у нас уже существует кафедра. И в общем-то вопрос о богословском преподавании у нас из умозрительного пространства был уже переведен в практическое русло, то есть мы сейчас изучаем языки Библии, Библию и окружающую её письменность, патристику, Талмуд, литургику, теорию и практику библейского перевода, но конечно, центр, вокруг которого группируются все эти дисциплины – это исагогика и библейское богословие. Изучение библейского богословия и жанровых, стилистических аспектов Библии носит достаточно прагматический у нас характер, как изучение идейного содержания и стилистики всякой литературы, поэтому мы в принципе здесь сотрудничаем и с кафедрой русской литературы и, то есть очень много моментов, которые здесь пересекаются у нас. Задавая нашему преподаванию такой характер, мы исходили из того, что в развитии данной дисциплины отечественная наука, мягко говоря, отстает и внесла достаточно скудный вклад. Здесь и неблагоприятные обстоятельства XX века, и вообще обмирщение нашего общества, и поэтому здесь и рождается задача библеистики, такого преподавания. Дело в том, что будет ли факультет межконфессиональным или моноконфессиональным или мультирелигиозным – это, конечно, больше вопрос организации и умения уживаться. Наша же задача представить действительно какую-то научную картину мира. Когда я думал о богословском факультете, это было бы конечно хорошо, но как добиться того, чтобы были кафедры, и были кафедры разные, и самое главное, чтобы на этих кафедрах работали люди, для которых то, что является научным критерием, является... представление о научном критерии такое же, как у других ученых, других сотрудников университета, других кафедр и других факультетов.

Прот. К.В. Копейкин:

– Поскольку это в университете происходит, это естественно.

Профессор Пётр Евгеньевич Бухаркин, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета СПбГУ:

– Можно задать вопрос? Если я правильно понял Ваше выступление, Вы предполагаете, что главным критерием, объединяющим кафедры теологического факультета, должен быть критерий научности. Однако почему тогда это теология, а не религиоведение? Мне это непонятно. Все таки теология не может оперировать критерием научности.

Реплики из зала:

- Почему? Может!

Проф. П.Е. Бухаркин:

– Совсем особым. *<неразборчиво>*

А.В. Сизиков:

– Понимаете, богословие – это же ещё не только наука о Боге, это наука о человеке и его отношении к действительности. Вера – это вполне объективный предмет для изучения.

Проф. П.Е. Бухаркин:

– Мне все равно остается неясным, в чем тогда разница такого факультета с факультетом религиоведения?

Проф. М.М. Шахнович:

– Вы задали замечательный вопрос, потому что с точки зрения Федерального образовательного стандарта, если вчитаться в цели и задачи, разницы нет! В том-то весь ужас, коллеги. Разницы нет. И если мы посмотрим цели и задачи Стандарта образовательного, то главной образовательной целью стандарта «теология» является изучение религиозной культуры, а готовить выпускников согласно этому стандарту мы должны для муниципальных и административных учреждений, а также СМИ, образовательных учреждений, институтов культуры, то есть там речь не идет о теологии в том смысле, в котором ее понимал упоминавшийся здесь Сергей Сергеевич Аверинцев, который написал замечательную статью о теологии.

Проф. П.Е. Бухаркин:

– Простите, я продолжу, чтобы мое выступление не было воспринято как противника этой замечательной идеи. Конечно сама по себе идея теологического факультета в университете бесконечно важна, бесконечно важна! Но вот хочу обратить внимание нас всех на те грандиозные на мой взгляд трудности, которые перед нами встанут. Ведь мы собираемся создавать теологический факультет, находясь в постхристианском пространстве. Это первая проблема. Проблема, которая очевидна любому человеку, занимающемуся, во всяком случае, в европейском пространстве. Вторая проблема. Наш университет, к сожалению, выступил одним из инициаторов вхождения России в Болонский процесс. Болонский процесс по своей природе, по философской основе Болонского процесса, противоречит тому, о чем говорил о.Кирилл – идее универсального

образования. Он все таки предполагает подготовку продукта. *<неразборчиво>* Это вторая проблема, очень серьезная, очень *<неразборчиво>*. Третья проблема, которую, я думаю, не стоит сегодня обсуждать, – проблема стандарта сегодня есть. Мы знаем, как у нас все меняется, завтра появится другое. Сегодня одни принципы управления университета, завтра будут другие. А ведь теологический факультет – это не шутки. И третья проблема – у нас же не было в России ни одного теологического факультета. Ни одного не было в русском университете.

Реплики из зала: возражения.

Проф. П.Е. Бухаркин:

– Я специально оговорился – в русском университете. Да. Но это тоже накладывает очень большие проблемы, очень большие! И тут действительно возникает масса очень сложных вопросов, о которых стоит задуматься: действительно, как объединить кафедры, создавать одноконфессиональный факультет?! Я думаю это просто невозможно, во всяком случае очень сложно и как-то и не нужно. В конце концов, есть Духовная академия, есть католическая, есть протестантская и т. д. Создавать многоконфессиональный факультет, значит надо задуматься, а чем он будет объединен. Мне кажется критерий научности тут не может быть применен. Можно, конечно, попытаться. Но все таки это очень сложная проблема. Вот чем и был вызван мой вопрос представителю кафедры глубокоуважаемого мною Анатолия Алексеевича.

Проф. М.М. Шахнович:

– Я просто хочу, чтобы вы меня правильно поняли, я поддерживаю профессора Бухаркина по всем позициям и мое недоумение по поводу того, как реализовывать стандарт теологии, я высказывала несколько лет уже тому назад абсолютно публично, и безусловно у нас нет традиции создания теологических факультетов, богословских факультетов. Но мы должны отдавать себе отчет, что современное духовное образование, здесь я согласна с отцом Кириллом, оно переживает кризис. Мы знаем о том, что духовным школам надо помочь. И была очень хорошая традиция, и я очень счастлива, что эта традиция сейчас продолжена, когда профессора Петербургского университета, скажем, преподают в Петербургской духовной академии, преподают в других духовных школах, участвуют в создании общецерковной аспирантуры, когда делаются всяческие очень интересные научные проекты по поддержке не только христианской теологии, но и исламской теологии, исламского теологического образования – это большая на самом деле государственная задача. Коллеги, и вот это обстоятельство тоже нам не следует сбрасывать со счетов. Государство решает очень серьезные вопросы восстановления того, что было разрушено в тяжелые годы, но при этом следует иметь в виду, что наука и религия появилась ведь тоже не в советское время, она появилась в Императорском Петербургском университете и впервые специальные курсы по религиоведению стали преподаваться в Петербургском университете в 1914 году. И я считаю, и, в общем, я могу сказать это публично, своей заслугой то, что на протяжении последних лет мы ведем очень большой диалог и с Московской патриархией, и с представителями других конфессий по освобождению религиоведения от тех тенет, если хотите, которые были приданы этой науке, и превращению религиоведения в идеологический проект. Религиоведение – это не идеология, и мы сегодня с отцом Дестивелем это обсуждали. Понадобилось более 100 лет для того, чтобы представители самых разных конфессий,

самых разных религиозных и нерелигиозных убеждений занимались вместе изучением религии. И есть для этого единая *<неразборчиво>* традиция, И я очень рада, что сейчас в Свято-Тихоновском институте открывается, открыто функционирует факультет религиоведения, и там есть прекрасный совет по защитам. Вот вчера у нас состоялось заседание очень, я считаю, радостное, когда мы специальность по философии и религиоведению получили возможность защищаться и по философским, и по историческим наукам, потому что религиоведение, да простят меня коллеги с философского факультета, оно к философии, на самом деле, не имеет большого отношения. Это наука, связанная с историей, филологией, безусловно с текстологией, с антропологией, с изучением роли религии в обществе, но вот эта философская подкладка, которая была подложена, вот эти марксистские основы, это результат, который привел к колоссальным жертвам среди религиоведов. Ведь мы говорим «репрессированная этнография», «репрессированная лингвистика», но ведь наука о религии точно также была репрессирована, пострадала. Поэтому я думаю, что весь этот очень сложный комплекс проблем, который перед нами стоит, мы должны решать сообща. И задача, амбициозная задача построения теологического богословского факультета мне представляется очень сложной. Я очень благодарна Николаю Михайловичу, который открыл такую дискуссию и предложил нам поговорить на эту тему. У меня есть, в процессе разных разговоров с разными коллегами, у меня есть такое предложение: нечто пилотное попробовать создать, чтобы придать этому межконфессиональному проекту какую-то целостность, с одной стороны, чтобы оно было действительно межконфессиональным, попробовать. Вот у нас университет классический. Мы претендуем, и совершенно справедливо претендуем на то, чтобы университетом с развитой вот этой трехступенчатой болонской системой (нравится она нам или нет, но так сложилось), и прежде всего мы ориентированы на магистратуру. Насколько я знаю, ректор Петербургского университета *<неразборчиво>* Почему бы нам не попробовать начать с такой междисциплинарной, межфакультетской магистерской программы по теологии. Понимаете, почему я предлагаю это? Подготовка магистранта – это штучная работа. Это не подготовка бакалавров, которых много разных, которые приходят неизвестно с чем. А к нам приходит человек, уже имеющий высшее образование, с каким-то бэкграундом за плечами, с какими-то определенными интересами, может быть с другой профессией, а может быть имеющий уже и опыт служения. И он приходит к нам углубить свои знания, получить университетский диплом. Понимаете, магистр теологии Петербургского университета, это звучит. У нас есть восточный факультет, у нас есть филологический факультет, у нас есть философский факультет, у нас есть разные кафедры. Мы можем попробовать создать совет магистерской программы и пригласить туда самых разных экспертов, представителей нашего уважаемого духовенства, и подумать, как может это сделать. Если мы делаем магистерскую программу в рамках университета, поверьте, мы меньше связаны со стандартом, который чудовищен! Вынуждено было, это всё создавалось, я знаю, как, все было очень непросто, и спасибо коллегам, которые переделывали этот стандарт, этот стандарт пережил три редакции, это всё очень сложная работа. Понимаете, *<неразборчиво>* я занималась в течение всех этих лет проектом религиозной культуры и светской этики в школе, и это еще было сложнее. Но мы договорились, и мы прекрасно сотрудничали с отделом катехизации Московской патриархии, и со всеми конфессиями, традиционными и нетрадиционными. Сейчас выйдет вторая линейка учебников. В общем, делается много! Неужели мы внутри Петербургского университета не договоримся?! Я уверена, что мы договоримся! У нас есть прекрасные специалисты, но нам надо подумать, с чего начать. Теологический факультет – why not? – это великолепная идея. Но не было традиции! Понимаете, вот я

вам скажу откровенно: если мы сейчас объявим *urbi et orbi*, что мы создаём теологический факультет, все сразу решат, что это политически *<неразборчиво>* Зачем нам это нужно? Мы хотим сказать очень что-то важное для страны. Давайте попробуем! Ведь понимаете, факультет открыть легко, закрыть его будет сложно. Давайте попробуем с магистерской программы, давайте создадим совет магистерской программы, обсудим, как это сделать, сделаем учебный план. Смотрите здесь представители всех факультетов. Нам прекрасно помогут и примут участие и представители разных конфессий. В конце концов, можно обратиться в Президентский совет по взаимодействию с религиозными организациями, в состав которого я вхожу. Можем подумать, как это сделать. Честно, я откровенно вам скажу, я разговаривала с разными людьми, в том числе и с представителями Московского патриархата. Это встречает понимание, потому что теологического факультета мы все немножко так опасаемся. Не было такого! А что это за торт такой кремовый?! *<неразборчиво>* Понятно, что, когда мы хотим создать межконфессиональный факультет, мы говорим – теология. Для многих это необычно. Все таки православная традиция, не случайно мы говорим по-английски, что это – *orthodox church*, фундаментальная, фундаменталистская традиция, у нас свои корни, у нас специфические отношения у философии с богословием. Но всё-таки философии религии нет в России, у нас религиозная философия (Роман Викторович улыбается), у нас нет традиции философии религии, она появляется только сейчас, в последние годы, в двадцатом веке. Это все интересно нам с точки зрения академической, но с точки зрения институциональной... Вот я предлагаю начать с малых дел. Давайте попробуем с магистратуры. Это не значит, что надо забыть проект о создании факультета, но может быть подумать об этом. Мне кажется, это более такая практическая плоскость, и мы можем готовить штучно: вот исламская теология 3-4 человека на восточном, допустим, факультете, вот православная теология, вот протестантская, вот иудейская. Мы можем решить вопрос, когда будет немного, когда мы с каждым будем работать, а потом быть может они придут работать на этот новый теологический факультет, кто знает? Вот я предлагаю обсудить эту идею тоже.

С.Г. Медведев:

– А координирующим будет совет, да? Совет магистерской программы?

Проф. М.М. Шахнович:

– Всегда должен быть совет. У всякой магистерской программы есть совет. Координирующий. Если это все будет инициировано, то в университете тоже существует процедура, и учёный совет, и учебно-методическая комиссия. Просто должен быть совет магистерский. У нас маленькие магистерские программы. У нас существует магистерский совет магистерской программы. Надо просто подумать, как это технически организовать. Мы говорим о вещах высоких, на самом деле очень серьезных вещах. Но всё упирается в технические вещи. Просто с магистерской программы, мне кажется, начать проще, а там дальше будет видно. Но это моё предложение, потому что я просто вижу, что есть заинтересованность и коллег, и есть заинтересованность у наших уважаемых инициаторов. Может быть подумать... Это тоже предложение. Это не значит, что я говорю, что нет, вот, не надо сейчас обсуждать факультет, давайте обсуждать магистратуру. Нет, это просто как одно из возможных предложений.

Профессор Алексей Анатольевич Панов, доктор искусствоведения, председатель научной комиссии – заместитель декана по научной работе факультета искусств СПбГУ, заведующий кафедрой органа, клавесина и карильона:

– Уважаемые коллеги, я на правах сопредседателя позволю себе дать слово Ольге Сергеевне Соловьёвой, заместителю декана факультета искусств по учебно-методической работе. Мы подозревали, собирая этот шумный стол, далеко не все читали и сравнивали Федеральные образовательные стандарты по теологии и религиоведению, которые вот как очень короткой справочкой, которую сейчас даст Ольга Сергеевна. Они радикальным образом различаются как в области профессиональной деятельности, так и в части объектов профессиональной деятельности. Вообще это короткая справка, ни слова от себя, только из Федеральных стандартов, чтобы все понимали те или иные *<неразборчиво>*, где теология в представлении тех людей, которые писали стандарты. Это не значит, что мы с ними согласны. Пожалуйста, Ольга Сергеевна.

О.С. Соловьёва, заместитель декана по учебно-методической работе факультета искусств СПбГУ, председатель учебно-методической комиссии факультета искусств:

– Я позволю себе зачитать буквально несколько цитат из двух стандартов по религиоведению и теологии. Вы понимаете, что эти стандарты... Речь идет о стандартах третьего поколения, то есть о самых последних стандартах, которые только у нас существуют, и на основе которых придётся сейчас обучать. Прежде всего такой раздел, как область профессиональной деятельности. Какова область профессиональной деятельности бакалавров религиоведения. Значит, она включает научно-исследовательскую, педагогическую, организационно-управленческую работу в системе образования, в сфере культуры (музеи, библиотеки, средства массовой информации), а также при организации государственного и муниципального управления, а именно взаимодействия с религиозными объединениями и проведение религиоведческой экспертизы. Вот это то, что касается области деятельности выпускников-бакалавров религиоведения. Что написано в том же разделе стандарта «теология». Область профессиональной деятельности бакалавров теологии включает систему теологического знания, традиционные духовные ценности общества и человека, теологическое образование и науку, религиозную культуру и философию, сферу государственно-конфессиональных, межконфессиональных и общественных отношений, практические аспекты жизни конфессий и соответствующую им социальную активность.

Комментарии из зала:

– Это одно и то же.

О.С. Соловьёва:

– Вы знаете, коллеги, я даже не понимаю, почему вы...

Комментарии из зала:

– ...так это же то же самое, просто другими словами...

О.С. Соловьёва:

– Это абсолютно разные ступени обобщения этой деятельности, я бы так сказала. Ну хорошо, пойдёмте дальше. Объекты профессиональной деятельности. Где работают специалисты по религиоведению: обучение учащихся среднего, общего и среднего профессионального образования, организация, технологическое сопровождение, консультирование в учебном процессе, обработка и описание музейных экспонатов, проведение экскурсий, каталогизация религиозных материалов и литературы в библиотеках и архивах, ну и так далее *<неразборчиво>* Что касается теологии, то её выпускники по направлению подготовки «теология» являются... объектами их профессиональной деятельности являются основополагающие духовные ценности и опыт, определяемая ими мера восприятия, теоретически оформленные в соответствующей религии, и осмысляемые в систематическом единстве исторической реализации и современной практики, а также в межрелигиозном, культурном, общественном, государственном и научном контексте.

Проф. М.М. Шахнович:

– Понятно, ну, что это такое образ применения? Где они работают? В стандарте по религиоведению написано, где люди работают. А в стандарте по теологии не написано, получается.

Голос из зала:

– Извините, можно сказать. Мне кажется, что вот насчет теологии там как-то общими какими-то непонятными словами говорится вообще ни о чем. Можно, что угодно там понять.

О.С. Соловьёва:

– Этот стандарт теологии позволяет нам, разработчикам, стандарта соответствующего Санкт-Петербургского университета наполнить вот эти достаточно высокие общие фразы конкретным содержанием. А стандарт религиоведения ограничивает определёнными рамками средних школ, библиотек, музеев и архивов.

Проф. М.М. Шахнович:

– А где будут работать выпускники такого факультета, если не в средних школах, вузах, средствах массовой информации, музеях... *<неразборчиво>*

Комментарии из зала: *<неразборчиво>*

О.С. Соловьёва:

– Позвольте коллеги, я немножко продолжу. Я долго вас не задержу. Есть ещё два принципиальных отличия этих стандартов. Стандарт религиоведения не предполагает формирования профильных специализированных компетенций, то есть профили в этом стандарте не предусмотрены. Профили в стандарте «теология» предусмотрены, то есть он предполагает и определяет формирование конкретных профильных компетенций в зависимости от сферы применения.

Проф. П.Е. Бухаркин:

– Простите, отец Кирилл, можно вернуть всё-таки к более конструктивным проблемам.

Прот. К.В. Копейкин:

– Это тоже важная вещь, мне кажется, потому что один из принципиальных вопросов, мне кажется, заключается в том, можем ли мы в Университете создать свой стандарт по теологии, который не совпадал бы со стандартом по религиоведению.

Проф. П.Е. Бухаркин:

– Я просто хотел бы продолжить и поддержать предложение Марианны Михайловны, но и его немножко конкретизировать. Может быть не имеет смысла отказываться от создания теологического факультета; мне думается, не имеет смысла. Просто действительно такой факультет на пустом месте сразу, хлопнув, мы не создадим. Можно было создать медицинский факультет, пригласить всех медиков, которые не нашли себе места в других... или факультет искусств тоже самое (извините не хочу обидеть факультет), а теологический – откуда мы возьмём? Может быть, если возможно создать факультет без бакалавриата – я думаю, что возможно на самом деле все сейчас. Идея магистратуры мне кажется очень удачной, и главное – понятно, кто туда пойдёт. Пойдут, кстати, многие священники, православные священники, из Духовной академии, где я тоже преподаю, пойдут наши выпускники разных специальностей, и это можно будет постепенно, исходя из этой относительно небольшой программы, развивать бакалавриат. Если нельзя создать (мне просто не очень нравится ограничиться просто магистерской программой), если нельзя создать такой факультет, можно назвать это институтом, как первый шаг к созданию. Это прекрасная идея! Но на пустом месте не сделать теологический факультет.

Прот. К.В. Копейкин:

– Простите, можно я, пожалуйста... Вы давно уже...

Протоиерей Сергей Алексеевич Овсянников, настоятель Свято-Никольского прихода РПЦ в Амстердаме:

– Меня зовут Сергей Овсянников. Я из Голландии, живу там последние двадцать лет. Поэтому я хотел бы немножко сказать с той стороны, как это выглядит. Что касается вопросов, предложенных круглому столу, по крайней мере, два для меня звучат несколько странно, а именно: может ли в современном университете существовать теологический факультет и может ли теологический факультет быть многоконфессиональным. Странно, поскольку это и есть повседневная практика наших университетов в Голландии. Да, я забыл представиться. Я – священник русской православной церкви в Амстердаме и одновременно научный сотрудник протестантского теологического университета в Амстердаме. То есть вполне совмещаю многоконфессиональность на уровне одной персоны. Я хочу привести пример университета, не моего, правда, университета, а действительно более, такого, университета государственного расширенного масштаба, это так называемый *Frei* (свободный) университет. На нём 13 кафедр существует и плюс ещё различные институты, 14 различных институтов. Так вот одна из кафедр, то есть один из факультетов так и называется – теологический факультет, который существует со дня основания на тех же правах, что и медицинский факультет (медицинский факультет этого университета является всемирно известным факультетом). Теологический, может быть, не столь

всемирно известен, но, тем не менее, он поставляет очень серьёзные научные кадры, богословские кадры. Значит, каким образом там организован научный процесс? Там есть бакалавриат, хотя мне кажется ваша идея действительно она абсолютно правильная (то есть надо *<неразборчиво>*, но это в скобках). Факультет состоит из следующих кафедр: первая кафедра – библеистики, вторая кафедра – истории церкви, третья кафедра – догматика и экумена (не экуменизм, а экумен (все таки разница большая), четвертая – сравнительное богословие и философия религии, пятая – практическое богословие. Практическое богословие, которое объединяет как раз массу конфессиональных движений, церквей, а как вы понимаете в Голландии речь идет не о двух конфессиях, скажем, или трех: католики, протестанты и православие, – а среди протестантов картина настолько сложная, и в общем подчас какой-то протестантской церкви легче договориться с нами, найти общий язык, чем между собой. Там, Вы представляете, Вы, наверное, учились в Голландии?

А.В. Сизиков:

– Нет, в Германии.

Прот. С.А. Овсянников:

– ...ну, кто-то из вас.. ну ладно, неважно... И пятая, то есть шестая, последняя – это Центр теологии и искусства, то есть он вынесен отдельно. Это не кафедра, это – Центр исследования, где наравне с имамами (их, по-моему, три или четыре) преподают также... профессор, обладающий... специализирующийся на истории церкви христианской. То есть вопрос о конфессиональности практически решается не тем, что одна кафедра относится к римо-католической церкви, а вторая к православной (кстати еще один Центр при этой же кафедре – это ACEOT, Amsterdam Center Eastern Orthodox Theology (Восточно-православного богословия)), который тоже существует отдельно, тоже занимается очень большими вещами. То есть внутри кафедр есть профессура, которая... профессура, она конфессиональная, но они решают межконфессиональные вопросы научного преподавания. Мне кажется, что, собственно, прежде чем... что нам надо знать вот этот западный опыт. Он, безусловно, нам поможет. Зачем изобретать велосипед?! Отец Иоакимф сейчас скажет своё слово.

Прот. К.В. Копейкин:

– Спасибо. Отец Иоакимф.

Священник Иоакимф Дестивель, декан Северо-Западного региона католической Архиепархии Матери Божией, настоятель прихода святой Екатерины Александрийской в Санкт-Петербурге:

– Я хотел тоже поделиться своим опытом. Хотя я тоже здесь закончил кафедру религиоведения, я тоже учился на факультете sciences religieuses в Сорбонне, и этот факультет на самом деле это не богословский и теологический, это факультет sciences religieuses. Он соединяет разные кафедры разных факультетов: кафедра из факультета философии, социальных наук, истории, филологический факультет тоже, но сам по себе этот факультет, он только собирает специалистов из этих факультетов. И там можно защитить и магистерскую, и докторскую диссертации. А пока нет программ магистратуры.

Проф. М.М. Шахнович:

– Sciences religieuses – это то, что называется религиоведение по-русски.

Свящ. И. Дестивель:

– Да... и там нет критерия, абсолютно неконфессиональный. Там преподают только лютеране, но есть исключения, конечно, и *<неразборчиво>* И, несмотря на их конфессиональную принадлежность, только специалист, лучший специалист в какой-то области истории, я не знаю, философии, Библии. Я тоже учился в католическом университете. Я тоже защитил там докторат. Если один священник, например, как я, хочет получить докторат и в Сорбонне, тогда он может записаться тогда в *<неразборчиво>* и потом создать общий ученый совет в Сорбонне. И тогда он получает два диплома: один докторат по богословию и один докторат по религиозным наукам. Но это совсем две разные вещи. Они обязательно *<неразборчиво>*. Мне кажется, что это на самом деле хорошо работает уже давно. Те, которые хотят только получить докторат богословия (это большинство студентов), они просто учатся в католическом университете; те, которые хотят получить и государственный диплом, тогда они тоже одновременно учатся в университете, в государственном университете. Мне кажется, что эта модель хорошо работает, и это совсем не экуменический проект. Тоже и в рамках католического университета есть тоже экуменический институт, который собирает и православных, и протестантов, или точнее говоря, он привлекает профессоров из разных университетов. Там есть *<неразборчиво>* институт, там еще и тоже факультет протестантской теологии, и там можно тоже получить церковный диплом. Экуменист, по-моему, – это чисто конфессиональный предмет, который, по-моему, не должен, как это, это не научный... не государственный... трудно охарактеризовать такой предмет в рамках... *<неразборчиво>*

Прот. К.В. Копейкин:

– Спасибо. Елена Александровна, Вы хотели...

Елена Александровна Островская, доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии социологического факультета СПбГУ:

– Островская Елена Александровна, факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Коллеги, несколько наблюдая со стороны и имея уже до начала нашего обсуждения (конечно, мы уже обменялись некоторыми предварительными точками зрения), и собственно они уже здесь отчасти прозвучали. Мне бы хотелось заострить внимание присутствующих на том, что у нас дискуссия сдвигается от обсуждения темы действительно открытия факультета теологии. Мне представляется, что отказываться от этой идеи просто по факту, что такого не было в традиции... Если все время воспроизводить то, что было в традиции непонятно, где будет место инновации. Соответственно очевидно, что открытие факультета теологии, теологического факультета в Санкт-Петербургском университете – это изначально будет инновация. Это первый момент, он здесь уже прозвучал. Здесь либо мы встанем на позицию того, что не было и не введём, но зато введём магистерскую программу по теологии на восточном факультете. Вот отсюда вырастает для меня, например, вопрос очень большой тоже... при моём глубочайшем уважении, Марианна Михайловна... то, что было озвучено Вами, что непонятно, я согласна абсолютно с этой проблемой, какова трактовка принципиально основателей, инициаторов создания факультета теологии,

какова трактовка самого понятия «теология». Она общепринятая христианская, и тогда соответственно это будет одна разновидность факультета, или это расширительная трактовка, где при расширительной трактовке (подобную мы встречаем в частности в классическом учебнике Кимлева по философии религии, где мы на уровне уже студенческого образования собственно отсылаем к этому учебнику)... теология в узком смысле слова как деизм и теология в широком смысле слова. И в широком смысле слова – это та дисциплина, которая, конечно же, обнаруживается внутри буддизма в частности как дискурс о социальной реальности во всем его многообразии. Вот в таком виде, на мой взгляд, этот факультет возможен. Если теология, как я услышала от уважаемых коллег, когда вопрос богословия, да, как наука о Боге, тогда вопрос, а как это она в восточном факультете возможна как магистерская программа?!

Проф. П.Е. Бухаркин:

– По-моему никто не говорил о восточном факультете...

Общая дискуссия... <неразборчиво>

Проф. Е.А.Островская:

– Хорошо. Сейчас я просто не хочу, чтобы опять... да это опять будет уход в сторону. То есть первая проблема... как я понимаю, я просто пытаюсь обобщить то, что уже прозвучало. Первая проблема, как трактуется теология. Эта проблема, которая здесь уже... уже она висит в воздухе, да, и которая может быть обсуждена. Здесь к какому-то консенсусу... от этого консенсуса и зависит, как я понимаю, будет ли открыт этот факультет или эта идея будет переплавлена в <неразборчиво> магистратуру, бакалавриат, семинар, еще что-то. По-моему, это очень принципиально. Вторая проблема, которая вызывает, на мой взгляд, то, что я со стороны как социолог, если угодно, более такое эмпирическое наблюдение... жесточайшее уже противостояние, может быть, может быть, возможно конечно уже, переход на некомфортные формы общения... этого не хотелось бы, – это обсуждение вопроса о (и уже это было), о том, какой стандарт будет реализовывать этот факультет. Вот это самые, на мой взгляд, серьезные вопросы, о которые спотыкается сейчас дискуссия. И тут же вот позиции... они обнажаются, если угодно, на тех, кто против, поскольку стандарт полностью повторяет религиозоведческий, стандарт по религиозоведению (и здесь я, конечно, на стороне тех, кто считает, что для этого факультета должен быть свой стандарт, не повторяющий дисциплинарный стандарт религиозоведения; это странно, зачем тогда действительно открывать новый факультет) и соответственно тех, кто считает, что, да, вроде бы тот стандарт, который есть... да, давайте просто откроем факультет. То есть, я, например, уже из существующей сейчас дискуссии вижу две проблемы (где невозможно пока, пока из наблюдения консенсуса не получается). Первое – что есть теология. Я вообще не уверена, сможем ли мы здесь прийти к консенсусу или здесь каждый останется при своём: представители особенно церковных традиций, христианских, у них будет одна точка зрения; у представителей сугубо объективного знания, университетского, у нас будет некая другая точка зрения. Консенсус посередине, он будет единичным, это не будет консенсус. Вторая проблема – образовательный стандарт. Университет все таки, все таки имеет право (МГУ, СПбГУ) трактовать стандарт, а то, что я уже имею опыт анализа того, как реализован в программах преподавания стандарт, например, на факультете социологии. Вот в прошлом году (я делилась с коллегами) мне пришлось, меня попросили просто официально на факультете положить

тот стандарт, который был предложен по социологии, тот который реализовывается на факультете. Это не имеет... это не сводимо друг к другу ни в каком пункте, только в пункте преподавания... английский – самая лучшая дисциплина. И в этом смысле почему-то факультет, который будет создаваться (а я как раз таки абсолютно стою на позициях, что это возможная инновация, возможная в новых современных условиях общества, общества, не повторяющего ни советский, ни имперский период), этот факультет может быть, должен быть, на мой взгляд, создан, но здесь, конечно, третья проблема, что, кого будет рекрутировать этот факультет, и кого на выпуске, на выходе иметь. И здесь, конечно, нужно учитывать демографическую яму. Да, встаёт вопрос о том, что часть студентов он будет оттягивать и с философского факультета, возможно, и, возможно, с той же Православной духовной академии. И вот та, опять таки, болезненная... Понимаете, вот когда мы вступаем в дискуссию, это разные вещи. Ведь если проанализировать то, что звучит, ведь выступающий мотивирован что-то дискутировать и, соответственно, мне представляется, что... вот мой вопрос состоит в том, что, как можно договориться, если изначально есть пока нерешаемые пункты. То есть, возможно ли все таки переделать стандарт, чтобы он не повторял религиозный. Коль скоро будет позитивно решен вопрос об открытии этого факультета (он будет позитивно решён скорее всего, рано или поздно)... Да, нужно ли искать в историческом прошлом тот образец, который мы наконец таки... мы не будем придумывать ничего нового, мы возьмём то, что есть; в крайнем случае возьмем какой-то западный опыт, но мы не рискнем изобрести велосипед. Но почему велосипед? У нас изначально все равно страна с достаточно уникальным опытом, он – не мультиконфессиональный, он – полирелигиозный. То есть, у нас все равно есть гораздо большее количество религий, нежели у кого-то, мультиконфессиональность христианства. Спасибо.

Прот. К.В. Копейкин:

– По поводу стандарта, мне кажется, это действительно принципиальный вопрос и я потом ещё раз попрошу Ольгу Сергеевну высказаться по поводу возможности создания стандарта по религиоведению, который бы отличался... по теологии, отличался бы от стандарта по теологии... Ну, просто пока... Пожалуйста.

Антон Владимирович Винокур, руководитель сектора межконфессиональных отношений администрации губернатора Ленинградской области:

– Я на самом деле с очень большим интересом слушаю дискуссию. По-моему, я один представитель, который занимается практическими межконфессиональными отношениями на территории Ленинградской области. И я, честно говоря, хочу сказать, что мне с точки зрения такой, знаете, функциональности эта идея чрезвычайно понравилась. То есть, я, конечно, не хочу входить в поле вот этих внутриуниверситетских дискуссий, но я хотел бы сказать, что, собственно говоря, безусловно, понятно, что эта работа прежде всего на очень далёкое будущее. То есть результаты открытия этого факультета, я думаю, что они смогут, собственно говоря, реализоваться лет через пятнадцать, когда люди, окончившие университет, начнут, собственно говоря, занимать те или иные позиции и у них будет одна единая платформа. И вот тут как раз я вступаю в то поле, почему мне, собственно говоря, чрезвычайно интересна именно, так сказать, идея существования факультета, в котором были бы объединены, собственно говоря, кафедры, которые занимались изучением православия, изучением ислама, практическим воспроизводством западного христианства, то есть, собственно говоря, в плане теории, и одновременно

были бы специалисты по государственно-национальным отношениям. Потому что вот, собственно говоря, работая, я понимаю, что очень сложно, например, найти специалиста, который бы разбирался в православии, и одновременно был бы юристом и экономистом. Таких просто, собственно говоря, не существует. Или, допустим, те люди, которые бы замечательно были, собственно говоря, сведущи опять-таки в православии, а при этом были бы специалисты в области социальной работы, а при этом могли бы еще иметь коммуникации с государственными органами. То есть в принципе такая основная идея... основная идея заключается в общем поле, то есть действительно люди вырастают, у них одни, не знаю, потоки, одни кафедры специализированные. Потом они вырастают, у них получается единое взаимопонимание, а коммуникации – самое главное, потому что я, честно говоря, недолго работая на своём поприще, я сталкивался с тем, что непонятно, кто, что хочет. То есть, нет общего поля и вот как раз вот именно воспитание в одном поле тех людей, которые бы именно всем этим занимались, я считаю такой вот основной задачей. Ну, а технические моменты, как именно это будет называться, какие стандарты, это уже собственно решать научному сообществу. Я выражаю такие вот свои личные пожелания тому, чтобы это было, произошло. И собственно говоря, считаю, что это такие государственные *<неразборчиво>*

Проф. М.М. Шахнович:

– А можно задать вопрос?

??:

– Да, конечно.

Проф. М.М. Шахнович:

– А вот выпускники теологических семинарий, они куда идут работать, когда они заканчивают теологические факультеты западных университетов?

??:

– Я думаю, что они идут работать...

Проф. М.М. Шахнович:

– ...они рукополагаются в сан? По преимуществу?

Прот. К.В. Копейкин:

– Нет, нет.

Общая дискуссия. *<неразборчиво>*

??:

– И вот ещё два момента, которые бы я хотел дополнить по поводу того, что не надо...

Прот. К.В. Копейкин:

– Давайте не будем разбиваться на парочки!

А.В. Винокур:

– ...опираться на традицию. Да, действительно общество развивается, необходимо находить этот *modus vivendi*, и собственно говоря, реализовывать потребности всех тех, которые в этом социуме живут.

Прот. К.В. Копейкин:

– Спасибо. Я по поводу теологических факультетов... я, наверное, пожалуй, лучше всего знаю ситуацию на теологическом факультете Афинского университета. Там на самом деле большая часть выпускников, они становятся чиновниками.

Проф. М.М. Шахнович:

– Правильно, это Греция, где существуют... Коллеги, мы ещё забываем об одном. Понимаете, в каждом государстве существуют свои церковно-государственные отношения, которые определяют статус конфессий в вузах, государственных, понимаете. Я бы сказала, что наша модель традиционно была наиболее близка к французской в том, что касается религии, в том, что касается церковно-государственных отношений... Меняется – значит меняется. Мы государственный университет. Это тоже один момент, очень существенный.

Прот. К.В. Копейкин:

– Нет, я согласен. Пожалуйста.

А.В. Сизиков:

– Вы знаете, я хочу немножко вернуться к вопросу о создании магистратуры как, вот такой переходный, может быть, этап для образования богословского факультета. Вот... значит... секунду...

Проф. Е.А. Островская:

– К чему она организационно будет относиться? К философскому факультету?

А.В. Сизиков:

– Нет, разрешите я все таки договорю. Значит, на сегодняшний день у нас есть кафедра библеистики на филологическом факультете, в которой есть магистратура (у нас есть магистрантская программа). И я, например, себе с трудом представляю, как мы учили бы магистрантов извне, если бы у нас не было программы бакалавриата. Дело в том, что, когда к нам приходят магистранты извне, например, из той же Духовной академии, или из других вузов, мы их отправляем изучать языки. То есть я, например, плохо себе представляю, как можно выучить греческий и еврейский за два года для того, чтобы заниматься, ну, например, классической экзегезой. Мы их... соответственно, те, кто разбираются уже в том, что такое экзегеза, и они идут и два года они умирают, но они учат древнегреческий и древнееврейский. Мы студентов, например, из той же

Богословской академии, мы отправляем, то есть я вот лично, огромное количество студентов с кафедры библеистики отправляю слушать лекции по русской литературе, потому что это даёт им понимание, как нужно читать и интерпретировать тексты. Потому что без этого никакое, наверное, богословие без интерпретации текста невозможно. И мне, например... то есть, у меня, значит, первый практический вопрос, который я, наверное, не очень хорошо оформил, когда первый раз выступал... это действительно вот... действительно, вокруг чего мы будем создавать, конкретно каких преподавателей, конкретно каких людей и конкретно каких дисциплин... Это практический вопрос, он как-то постепенно решится. И поэтому у меня есть сомнение в возможности создания магистратуры, как бы такой отдельной междисциплинарной, которая не поддерживалась бы мощными силами нормальной программы бакалавриата, которая постоянно, регулярно готовит студентов.

Проф. М.М. Шахнович:

– Можно я отвечу? Коллеги я хочу заметить, что все образовательные программы в нашем университете, в том числе и прежде всего магистерские создаются не на кафедрах, более того, даже не на факультетах. Они создаются в Санкт-Петербургском государственном университете. И это принципиальная разница. Я вам должна сказать, что те реформы, которые осуществляются в нашем университете в последние годы, они это ставят во главу угла. Если вы откроете сайт Петербургского университета, вы увидите список магистерских программ, который реализуется в Петербургском университете *<неразборчиво>* ...институционально там могут приглашаться преподаватели разных кустов, разных факультетов, точно также там учиться могут, например, выпускники кафедры классической филологии или выпускники бакалавриата философского факультета, где изучаются латынь и греческий, а также выпускники духовных школ, а также представители ещё зарубежных вузов. Магистратура создается не при кафедрах, это раньше было. Она создаётся в Петербургском государственном университете. И приглашаются специалисты с любых факультетов. Это принципиальная вещь. Именно поэтому моё предложение было высказано. Если бы это была старая система, то это было бы невозможно. Вот в этом-то вся штука. Именно поэтому это и возможно, именно поэтому речь идет о создании совета магистерской программы с привлечением разных специалистов. Это очень серьёзная работа. То есть не на факультете, ни на философском, ни на филологическом, ни на восточном. Она создаётся в университете. Поэтому я совершенно в этом смысле думаю, что вот прав профессор Бухаркин, который говорит о каком-то институте, может быть отдельном. Потому что магистерская программа создаётся в университете.

Проф. П.Е. Бухаркин:

– Простите, я хочу... извините я Вас...

Прот. К.В. Копейкин:

– Да, да, да...

Прот. С.А. Овсянников:

– Мне кажется, мы все таки перешли на следующий этап, не оставив сзади вот эту зияющую высоту по поводу разницы между религиоведением и богословием. На мой

взгляд, вещь действительно существенна. Одно отличается от другого принципиально. Каким образом? Есть вера, есть верующий человек. Если на верующего человека посмотреть со стороны, получится религия. И эта религия занимается верующим и верой как своим предметом. Если сам верующий человек занимается сам собой (там есть некая рефлексия), вот там возникает богословие, теология. Он пытается понять, а что в нем внутри происходит. Так вот теологический факультет – это рефлексия верующих людей, различных вер, различных конфессий над предметом своей веры, а религиоведение ими занимается как управленческая структура. Они уже будут юристами, там, и прочими, прочими.

Комментарии из зала. *<неразборчиво>*

Прот. С.А. Овсянников:

– Ради Бога. Я не вычеркиваю религиоведение из своей жизни. И в этом смысле, будь то институт, магистратура и так далее, действительно вопрос встанет и уже встаёт о том, а кто же будет преподавать. И преподавать должны люди изнутри. В этом, безусловно, проблема, потому что таких, наверное, немного.

Комментарии из зала. *<неразборчиво>*

Прот. С.А. Овсянников:

– И отсюда уже следующий этап: а давайте тогда может быть, не знаю, загибая пальцы, а есть ли у нас хотя бы силы хоть на что-то. И вот, если есть на что-то, вот этим чем-то и тогда надо заниматься, оставляя чёткое представление, что вот здесь дырка, которую надо будет заполнить. Надо искать специалистов в этом направлении, но сейчас, увы, этого *<неразборчиво>*

Проф. П.Е. Бухаркин:

– У меня, если Вы закончили, простите...

Прот. С.А. Овсянников:

– Да, я закончил.

Проф. П.Е. Бухаркин:

– ...я хочу продолжить то, что говорили Вы по поводу библеистики. Конечно, библеистика не может существовать без бакалавриата. Это очевидно. Просто там изучение древних языков. Но ведь есть специальности, которые могут быть и без бакалавриата. Может быть, если говорить о практических моментах, все таки действительно хотелось бы видеть факультет, условно говоря, теологический. Конечно, это было бы замечательно, просто замечательно! Я думаю, это очень важно для России, очень важно. По многим причинам, о которых сейчас говорить очень долго. Но ведь можно как-то какие-то средние найти, промежуточные варианты. Например, может быть бакалавриат, например, по библеистике. Прекрасно, тем более ваша кафедра всегда пользуется спросом, у вас всегда есть студенты, и в магистратуре, насколько я знаю как член Учёного совета филологического факультета... но может быть ещё какой-то может

быть бакалавриат такого же рода. А магистерские программы? Тем более у вас есть, библеистика уже есть, не нужно ничего создавать, а магистерские программы могут быть и другие. У нас же есть, например, на нашей кафедре, кафедре русской литературы, есть магистерская программа, которая совсем не связана с бакалавриатом. Например, программа «Литературная критика и редактирование». Так вот можно создать подобного рода магистерские программы, и тогда факультет будет приобретать какие-то более или менее внятные очертания. Я абсолютно согласен с тем, что говорили Вы, ведь у нас неоткуда взять специалистов, ну, неоткуда. Действительно, десяток может быть. У нас ведь мало специалистов. Конечно, может быть Духовная академия откликнется, может быть Свято-Тихоновский университет (в конце концов, Москва не так далеко), но... и философы... и все, кто... вот проблема выбора специалистов. Тем более совершенно согласен с тем прекрасным, абсолютно бесспорным определением отличия теологии и религиоведения, который Вы сейчас дали. По-моему, тут спорить не о чем. Вы правы на 300%. И вот, как такой теологический факультет у нас создать? И поэтому может быть искать какие-то промежуточные возможности, не обязательно сразу все: и бакалавриат, и магистерские программы. Какие-то сначала одну-две бакалаврские программы, потом – магистерские. *<неразборчиво>* Если думать серьезно о создании факультета... *<неразборчиво>*

Проф. А.А. Панов:

– Уважаемые коллеги, маленький технический комментарий не для спора, а для сведения. Дело в том, что министерство образования, которое выдаёт лицензии на ведение образовательной деятельности, не выдаёт лицензии на открытие магистратуры без наличия бакалавриата. Это вопрос, так нельзя делать... По крайней мере, таких прецедентов до сих пор в России не было.

Проф. М.М. Шахнович:

– Вот это как раз то, о чём можно договариваться с министерством образования.

Проф. А.А. Панов:

– Мы очень надеемся, что без Петербургского университета... Это такое неприятное препятствие, о котором нужно думать, начинать его преодолевать уже с упреждением.

Проф. М.М. Шахнович:

– Понимаете, Петербургский университет – это уникальный университет, фактически находящийся под Правительством Российской Федерации. Если решение будет принято и о том, чтобы можно... это как раз формальные вещи, о которых можно договариваться. Как вы считаете?

Людмила Брониславовна Юшкова, помощник ректора СПбГУ по международным связям:

– Я хотела бы сказать... комментарии... Я на самом деле должна была представиться вначале. Я Людмила Брониславовна Рыжкова, я, собственно, работаю сейчас помощником ректора по международному сотрудничеству, уже три года. Но в миру вообще на самом деле я всю жизнь преподаю на факультете психологии, и вот на

филологическом факультете. И на самом деле, на том стою, и это нормально. Я бы хотела поддержать идею того, что называется инновации. И в этом смысле я совершенно разделяю ваше утверждение. Другой вопрос, что... Марианна Михайловна, мы, когда пишем свою должность, мы указываем, что мы доцент или профессор кафедры, и называем кафедру. И все наши контракты, наши договоры трудовые содержат это название. И это принципиально, то есть мы не можем отменить этот факт, совершенно же очевидно. Поэтому если говорить о факультете, что собственно об этом так беспокоиться, будет ли это факультет, центр, институт... Самое главное, что мы можем осуществить, мы можем осуществить программу бакалаврскую, магистерскую. Уникально... я совершенно согласна... главное, что в соответствии с законодательством. Два университета в нашей стране имеют совершенно особый статус, который позволяет нам создать собственный стандарт, который определяется как высший, чем государственный. И никто нас не остановит. Мы можем их утвердить, и есть процедура. Она прописана, она ясна, как Божий день. Понимаете, и в этом смысле мы ничем не ограничены. Больше того, я хотела бы об этом... (собственно не будет это такое досужее рассуждение), но обратить ваше внимание на самое главное, с чем мы как преподаватели, как люди, которые, в общем, солидарно создаём, образовываем личность, в общем, должны сегодня что-то сделать, потому что, вспоминая слова нашего с вами знаменитого соотечественника Петра Успенского, который написал свою знаменитую «Психологию возможной эволюции человека»... я совершенно опять же солидарна с тем, что сказал отец Кирилл сегодня в своём докладе, относительно личности человека. Личность человека, – пишет Пётр Успенский, – это всё, что выучено, всё, что выучено и ничего нового, то есть та самая παιδεία о которой, собственно, говорили ещё греки *<неразборчиво>* И в действительности образованность не сводится ни к образованию, ни к обучению, ни к формированию чего бы то ни было. И вот, собственно, давайте на этом сосредоточимся. Что мы себя будем ограничивать сличением различий из вот этих вот, так сказать, стандартов?! Да, оставим их в покое! Пусть эти стандарты волнуют тех, кто не может создать собственные, а мы можем создать инновации, и мы можем это сделать. Мы с ясной головой... я совершенно согласна с его определением, которое... я только не могу согласиться с тем, что богослов или теолог – это обязательно верующий человек. Это может быть... он может не подозревать о том, что он верующий...

Комментарии из зала. *<неразборчиво>*

Л.Б. Юшкова:

– Да, да, *<неразборчиво>* Мы не можем не согласиться с тем, что все таки университет – это в некотором смысле социальная матрица, социально-культурная матрица, которая воспроизводит, которая на самом деле солидарными усилиями образовывает *<неразборчиво>* его личность, которая выучена. Та вот, чему учить? Чему учить? Ребёнок не научится языку, если рядом нет человека, который знает этот язык, этого не произойдет. И вот мы должны, собственно говоря, из этого исходить. И нет никаких препятствий... Я совершенно не думаю, что мы сейчас вообще можем решить вопрос о том, что вот обязательно факультет. К этому очень много... понимаете, если мы вспомним о тех петербургских, извините за слово, названиях, которые носят наши новые факультеты: стоматологии и технологий... а другие, что не стоматологи? Или мы... понимаете вот ... Извините за такую некоторую эмоциональность. Ну, не будем давайте на этом совершенно... в этом нет никакой необходимости. Я вот только что вернулась из очень интересной поездки, которая называется по-русски... это был семинар в Барселоне,

который проводил ряд, серия таких организаций, которая и Институт исследовательский Университета ООН, который называется *<неразборчиво>*, и *<неразборчиво>*, такой вот мозговой центр, Международный центр документации и информации, и в том числе там были люди из Оксфордского университета. Называется это событие «Притворный космополитизм Европы». Очень откровенный разговор. Собственно говоря, он шёл в двух плоскостях. Он шёл в основном из области narratives, то есть вот рассказа. Мы рассказываем о себе и собственно говоря *<неразборчиво>*, где, собственно говоря, была сделана попытка на основе статистических данных, представленных теми же филологами или антропологами, создать объективную картину мира. И то, и другое не получилось, потому что каждый рассказывает и говорит своими словами так, как он это понимает. И никто не договорился. И цифры тоже мы можем по-разному интерпретировать, потому что биосемиотика – вещь очень глубокая. Она, действительно, в некотором смысле – символ веры. Поэтому я вот на самом деле не вижу вообще никакой проблемы, вот в этом самом шейпинге, то есть в оформлении. И мне представляется, что гораздо важнее обратиться к предмету. Собственно что? Что? Чем мы будем образовывать? Что мы будем делать? Какую личность? В конце концов, ещё один очень полезный короткий комментарий. Когда мы говорим о, скажем, необходимости бакалавриата для того, чтобы... Давайте вспомним наши сравнительно молодые факультеты. Факультет менеджмента. Кто на этом факультете учится в бакалавриате? Совершенно случайно, как молодой человек может быть, да... Или: кто туда поступает в магистратуру? Люди, у которых есть опыт жизненный, как правило, да, и они... И вот взять пример нашего психологического факультета. Много лет наша кафедра, межфакультетская между прочим, педагогика и психология, *<неразборчиво>* Она, в общем, была аспирантской. Мы выпускали студентов, мы выпускали аспирантов. И, смею заверить, с советских времен, а сейчас эта тенденция ещё усилилась, более 70% это были люди, которые ни к психологии, ни к педагогике не имели ни малейшего отношения. Это могли быть филологи, это могли быть инженеры, да мало ли кто. И блестящие получались выпускники аспирантуры, защищали лучшие диссертации. Защищали, к сожалению, к глубокому сожалению, отнюдь не выпускники нашего факультета. К сожалению. Правда, это так. И эта тенденция усиливается. А на экономическом факультете большая часть магистров – это юристы. Они получают следующую ступень образования. Вот собственно... я, простите, всех, наверное, утомила, но на самом деле мне кажется, что не стоит... мы с вами – не члены какой-то чиновничьей комиссии, мы с вами по другой части...

С.Г. Медведев:

– Отец Кирилл, можно короткое замечание, просто ко всем собравшимся. Мне кажется, что если не Санкт-Петербургский университет это сделает, то это... если сделает, это будет самый худший вариант, который может быть. Это будет переиздание, извините меня, атеизма, курса атеизма, который был некогда... который мы с вами изучали в 70-х годах. Потому что, конечно, видимо, уровень в целом будет снижен, окружающий университет. Он таков, что он соответствует этому курсу (я имею в виду среднего звена, который может преподавать). То есть факультет теологии или, там, религиоведения, он будет создан где-то в другом месте и будет готовить каких-то непонятных совершенно специалистов непонятого назначения, то есть непонятого содержания, не назначения, а содержания. Мне кажется, что особенно 10-ти – 15-ти лет, о которых вот сказал представитель области, наверное, нет. Надо торопиться, потому что перед страной все таки стоит очень сложная проблема интеграции, скажем, взаимоотношения с мусульманством, которое отнюдь не в постмусульманском мире живёт *<неразборчиво>*. Мне кажется, что итогом этого

совещания могла быть некоторая намётка дорожной карты все таки, пошаговая, что же делать. Чтобы не было, что поговорили и разошлись. Одним из таких предложений может быть предложить вот, допустим, отцу Сергию... Отец Сергий!

Прот. С.А. Овсянников:

– Сергей Алексеевич...

С.Г. Медведев:

– Ну, да, Сергей Алексеевич... а потом вот кто ещё желает действительно, ваши предложения, сделать некие такие проекты. Вот допустим, Сергей Алексеевич имеет двадцатилетний опыт преподавания в университет в Голландии. Вы бы, наверное, каждый раз думаете, вот если бы не эта структура, было бы лучше, если бы с нуля начать. Вот Вы какой-то свой проект такой бы предложили на рассмотрение уже какого-то постоянно действующего собрания, скажем, в рамках той же магистерской программы. Ну, как-то дальше, кто будет этим заниматься? Магистерский, наверное, совет? Магистерская программа?... которая бы рассматривала уже текущие проекты, предложения и в то же время над программой работала, составлением... и на перспективу факультет, институт, или...

Проф. М.М. Шахнович:

– Надо думать, советоваться. Такой совет – все таки не простая вещь. Вот тут прозвучало мусульмане. А у нас вообще мусульмане предполагаются? Я тут никого не вижу. Мусульман приглашали?

Прот. К.В. Копейкин:

– Приглашали, просто не смогли прийти.

Проф. М.М. Шахнович:

– Коллеги, я просто думаю, что это первое обсуждение, которое было и, в общем... я ещё раз повторяю, когда я впервые прочитала на сайте, мне очень понравилось, что Николай Михайлович предложил этот вопрос обсуждать. Это действительно вопрос очень серьёзный, очень важный и это наше первое обсуждение. Спасибо отцу Кириллу... *<неразборчиво>* но я в любом случае, я думаю, что на этом всё не закончится. Я просто не хочу завершать, это не моя функция. Я просто думаю, что на этом не закончится, ещё будет много всяких обсуждений. И эта история с магистерской программой, это, коллеги просто, ну вот, всплыло опять же в процессе обсуждения, когда мы стали говорить, а кто может преподавать, а вот почему тогда появились во время этих разговоров перечисленные кафедры. Отец Кирилл, судя по тому, что было на сайте, перечислил просто кафедры, что называется, на базе которых может быть создан этот факультет. Но я могу сказать совершенно откровенно, довольно сложно... у меня на кафедре люди абсолютно разного мировоззрения. Понимаете, всё-таки религиоведение предполагает вот этот веер мировоззрений. Теология, она этого не предполагает. Теология, точно также, как философия (я употребляю старые термины) - партийная наука. Религия она абсолютно беспартийная наука. Теология, она партийная, партийная в том смысле, что она... но партийная в философском смысле. Как говорили в XX веке, невозможно

заниматься святостью... там можно изучать мусульманскую теологию. Католикам, ну, невозможно преподавать католическую теологию будучи мусульманином. У меня это не помещается в голове. Можно преподавать историю католической теологии, например, можно. Но, понимаете, эта степень отстранённости, она существует. Мы это понимаем, и главная трудность, которой мы пытаемся научить наших студентов преодолевать – это встать *над*, посмотреть снаружи. Это очень сложно, и для религиоведения - это самая сложная задача. Как при этом остаться толерантным? – самое трудное. Я единственное, что хочу сказать, я очень рада, что здесь присутствует коллега, который приехал из Голландии, потому что собственно говоря, ведь всё оттуда и началось. И впервые преподавание религиоведения как науки, вот этой самой *sciences religieuses*, началось в Голландии, именно на теологических факультетах. Когда протестантские богословы осознали, что им необходимо иметь знания о других религиях... И тогда получилась вот эта вот самая наука о религии, когда антропологи, этнографы, историки, этнографы... Да, появилась сравнительное религиоведение именно там. Поэтому это всё очень интересно для академических дискуссий, и я согласна с Людмилой Брониславовной, что здесь в Петербургском университете можно много сделать. Нам надо продолжать, наверное, этот процесс.

Из зала:

– Извините, а можно мне...

Прот. К.В. Копейкин:

– Да, сейчас, секундочку. Давайте в порядке очереди. Пожалуйста.

Пастор А. Тихомиров:

– Несколько комментариев. Во-первых, я не стал бы бояться слова теологический факультет, это не такой уж большой замах. Насколько мне известно, сейчас в России действует около 20-ти так называемых теологических факультетов...

Прот. К.В. Копейкин:

– Около 40.

Пастор А. Тихомиров:

– Ну, понятно, что это за образование. Поэтому наша задача все таки сделать шаг вперёд. Но, тем не менее, понятно, что всё нельзя сделать сразу на пустом месте. Но я бы не стал уж слишком растягивать эти шаги, потому что вопрос о теологическом образовании стоит очень остро. Вот уже было сказано, что мы находимся сейчас в ситуации постсекулярного общества, да? Но оно всё равно остаётся постхристианским. И это значит, что общество и вера очень сильно разделены и это вредно как для общества, так и, замечу, для религиозных движений, потому что они всё больше и больше отклоняются в сторону фундаментализма. Вот такой факультет – это был бы шагом навстречу, способом преодолеть вот это разделение, которое опасно. И ещё одно замечание по поводу бакалавриата. Все таки мне кажется, что магистратура именно в богословии без бакалавриата трудно себе представима. Для серьёзного изучения богословия требуется как минимум хорошее знание древних языков и определённые предпосылки мышления,

потому что, как было сказано, богослов занимается собственной верой, а для этого требуются немножко иные подходы, немножко иная рефлексия, чем при занятии каким-то другим объектом. И здесь нужен определённый мыслительный аппарат. Бакалавриат, мне кажется, был бы крайне важным.

Прот. К.В. Копейкин:

– Спасибо. Татьяна Александровна...

Татьяна Александровна Кошемчук, профессор филологического факультета, преподаватель академической гимназии СПбГУ:

– Спасибо. Отец Кирилл, Вы не могли проговорить ещё раз в контексте этого разговора о метапозиции, о которой Вы сказали, потому что это могло быть принципиальным, если факультет будет религиозным, в отличие от экуменизма. Вы не могли бы пояснить эту идею подробнее?

Прот. К.В. Копейкин:

– Можно я это потом сделаю? Не сейчас тогда. Мария Владимировна, пожалуйста...

Мария Владимировна Дубова, выпускница филологического факультета СПбГУ, преподаватель СПбДА:

– Я позволю себе небольшое высказывание. Я хотела поддержать идею о необходимости бакалавриата при теологической программе, потому что (абсолютно согласна) человек, изучающий религии, должен хорошо знать древние языки, иметь опыт работы с источниками, хорошо знать новые языки и иметь языковую компетенцию общения именно на теологические темы. И конечно, только магистерское образование, это будет, во-первых, образование ни о чём, потому что в том, что касается древних языков здесь будут компетентны филологи, историки и, может быть, некоторые выпускники Духовных академий, но не будут компетентны, например, бакалавры-психологи, которых может заинтересовать такое в дальнейшем развитие, и так далее. Я думаю, что вы понимаете, о какой проблеме я говорю. А открывши программу бакалаврскую, мы сможем создать круг людей (пусть это будет 15 человек, 15 бакалавров на выходе), которые будут практически компетентны во всех видах профессиональной исследовательской деятельности, которая понадобится им и в магистратуре, и в докторантуре, и в последующей работе. Пусть это будут хорошо, практически, фундаментально и очень, простите, конкретно образованные люди, чтобы они потом выбирали себе кафедры не по своим возможностям и компетентностям, исходя из того, могу я переводить с древнееврейского или не могу, а в зависимости от своих вкусов, пристрастий и дальнейших планов. Спасибо.

Прот. К.В. Копейкин:

– Я просто хочу заметить в продолжение того, что было сказано. К сожалению, какая ситуация, например, в Духовной академии? Там очень часто студенты идут на церковно-историческую кафедру по одной простой причине. Просто они не знают древних языков и... А что ещё они могут? Они исследуют свои архивы, родные, потому что это русский язык. Всё! Поэтому, реально, чтобы заниматься библеистикой, библейским богословием или патрологией, им просто не хватает знаний...

Комментарии из зала <неразборчиво>

Проф. М.М. Шахнович:

– ...в Духовных школах было сокращено преподавание древних языков по причине их трудности... Это мы знаем.

Прот. К.В. Копейкин:

– Потом оно было опять расширено. Это не изменило радикально ситуацию, к сожалению. Пожалуйста.

Иван Леонидович Фокин, доктор философских наук, доцент Руссой христианской гуманитарной академии:

– Я настолько долго слушал дискуссии, что забыл уже... Но позвольте я вернусь, так сказать, немножко сбоку, так сказать. Вот я, посмотрел, к сожалению, ушел Алексей Анатольевич. Вот отец Кирилл может быть скажет, что если бы при открытии факультета искусств были бы такие дискуссии по поводу организации технических моментов, там были бы те же самые проблемы и никогда бы он был открыт. Потому что искусство имеет тоже предмет своей собственной теологии. Прекрасное и так далее...

Что касается философии... Мы прекрасно знаем, что философский факультет тоже <неразборчиво> единой какой-то науки. Там очень все разбросаны и <неразборчиво>, что никогда возможно никто не будет, в силу того, что кадры никогда не поменяются, со своей традицией... они уже долговечные и тут тоже не следует особых иллюзий. В данном случае я согласен со всеми теми, кто сказал, что это инновация. К этому нужно подходить с надеждой, с верой, с любовью и... Возможно не получится всё, что мы хотим, но если мы не будем верить, не будем хотеть и не будем, так сказать, понимать, что этого-то давно собственно ждали, этого теологического факультета, и что нужно использовать этот момент, потому что это политический момент. Совершенно справедливо – это политический момент, благоприятная политическая ситуация. И его надо просто открывать, чтобы ни произошло в дальнейшем.

Прот. К.В. Копейкин:

– Марианна Михайловна сказала, что политический именно в отрицательном смысле.

Доц. И.Л. Фокин:

– А неважно, в каком даже. Я даже тут не буду в детали впадать. Это политический момент, его нужно использовать. И там... нельзя научиться плавать, не погрузившись в воду.

Комментарии из зала:

– Утонуть можно.

– Ничего страшного.

Доц. И.Л. Фокин:

– А мы и так тонем...

Комментарии из зала <неразборчиво>

Доц. И.Л. Фокин:

– ... я связан с Гуманитарной академией. Я доктор философских наук, исследую творчество Якоба Бёме. То есть я – человек, нельзя сказать, чтобы совсем дилетант. Я проходил стажировку на теологическом факультете Эрлангенского университета.

Проф. М.М. Шахнович:

– А Вы - господин Фокин? А, понятно.

Доц. И.Л. Фокин:

– Я знаю, что в Германии совершенно разные университеты. Там есть градация. Первый факультет – считается это Тюбингский теологический, потом идёт у них протестантский факультет, как же его, Гейдельбергский, потом идёт у нас Эрлангенский и так далее. Если возьмем философию Германии, совершенный разброд. В Мюнхене одна философия, там профессор <неразборчиво> в своё время открыл... если вы поедете во Франкфурт, там вообще не найдете философии, той которая есть в Мюнхене. Поэтому не надо думать, что, знаете, что в принципе мы должны сразу думать за всю страну, за какую-то программу и с ней, так сказать, полемизировать, тем более заочно. Никогда невозможно с чиновником будет договориться, у нас не та ситуация в стране. У нас не чуткие чиновники к инновациям, а <неразборчиво> сложно, судя по всей остальной ситуации, поэтому мне кажется, что вообще не надо обращать на это внимание. Нужно идти, если угодно, напролом, создавать то, что получится, а что не получится, это уже зависит от обстоятельств, <неразборчиво> Ну вот, это эмоционально немножко, но, мне кажется, мы действительно отошли. Я переписал вопрос специально, который отец Кирилл задал по теме, и будучи человеком, не чуждым в общем-то проблемам религии, я сижу как будто бы на каком-то действительно, ну, не чиновничьем, конечно, но таком, как вам сказать, формальном совете где мы решаем, кого назначить зам.декана, кого сократить, сколько ставок и какая зарплата, и так далее. Друзья мои, это всё придет, эта вся грязь, она еще впереди.

Смех в зале.

Доц. И.Л. Фокин:

– ...понимаете, в плане духовном, духовном... Сейчас главное понять, что эта идея, теология, факультет теологии, она родилась, можно сказать, неизвестно откуда. Её нужно поддержать независимо от её происхождения, потому что больше такой возможности может не быть в России. Спасибо.

Прот. К.В. Копейкин:

– Пожалуйста, пожалуйста. Да, да, да...

Ирина Васильевна Чернышёва, главный бухгалтер филологического факультета СПбГУ:

– Извините, пожалуйста, я уже давно не работаю преподавателем. Я представляю, я даже не представляю (я двадцать лет на экономическом факультете проработала) и только что приехала с конференции экономического факультета МГУ, где обсуждали на экономическом факультете «Софию, софийность и софиологию». И там я понимаю... и эта ... и была посвящена конференция 100-летию со дня выхода работы Булгакова «Философия хозяйства». Что я хотела сказать, что если общество... вот я хотела бы как раз поддержать именно социологический факультет с точки зрения, что, ну, хотелось бы в университете, но это моё личное пожелание, и как я двигаюсь по жизни, и мировоззрение как моё меняется, с тем, чтобы не только религиоведение, оно же вот чётко, быстро и правильно, а вот ближе чтобы было общество, и вот тот же самый административный характер, который есть у нас он был ближе к тому внутри («теос» для меня отец прежде всего), вот этому внутреннему миру, когда мы воспитываем прежде всего человека, личность, индивидуальность. И не только это западное направление, но плюс ещё восточное, вот почему-то всё Европа, Европа, а она в кризисе. А Россия – это всё таки...

Смех в зале. Комментарии. <неразборчиво>

И.В. Чернышёва:

– Хотелось бы это место территориальное России между Востоком и Западом, чтобы вот вообще опора только на протестантское направление, где, так сказать, всё направлено на то, чтобы капитализм развивался...

Смех в зале. Комментарии. <неразборчиво>

Прот. К.В. Копейкин:

– Давайте ещё евреев помянем, которые там... (обращаясь к Марку Давидовичу Грубаргу, председателю еврейской религиозной общины Санкт-Петербурга)

Смех в зале. Комментарии <неразборчиво>

И.В. Чернышёва:

– ...но хотелось бы направление взять такое, грубо говоря, рационально-логическое и образно-мистическое, чтобы было в цельности, потому что это всё таки университет, и чтобы было представлено и гуманитарное, и естественное направление. Возможно именно... потому что у нас есть опыт. Я стою у истоков создания Института свободных искусств и наук, где междисциплинарность... и вообще междисциплинарность... <неразборчиво> Ну вот, это моё такое пожелание, и чтобы энергопотенциал, как бы который у нас здесь поддержал этот факультет. Он очень нужен с моей точки зрения и то, что я вынесла из конференции, на которой я была... и там дискуссия была и ставили транслятор, потому что у каждого свой понятийный аппарат и, естественно, категории разные, но нам нужно договориться с тем, чтобы во всяком случае общество вошло в другое качество.

Прот. К.В. Копейкин:

– Ну, раз финансы новый факультет поддерживают, то это самое главное. Спасибо большое всем. Я думаю, что мы просто из наиболее активных участников создадим рабочую группу, которая будет дальше заниматься созданием дорожной карты, ну и продолжим наше взаимодействие пока в on-line режиме, а потом «живьём». Спасибо всем большое.

Марк Давидович Грубарг, кандидат физико-математических наук, председатель еврейской религиозной общины Санкт-Петербурга, глава Совета председателей еврейских общин ФЕОР:

– Дискуссия была на самом деле очень полезная и очень важная. И она напоминала дискуссию евреев, собиравшихся переходить через Красное море. Одни говорили, что нельзя идти, потому что нет материальной базы... *<неразборчиво>* Если Бог поможет, мы будем надеяться, что дело богоугодное делаем, если Он поможет, факультет состоится, хотя, действительно, есть большие трудности. Но надо попробовать, хотя всё, что говорила уважаемая профессор Шахнович, и Вы, и все иностранные гости... С точки зрения бакалавриата правильно, что без него нельзя. Поэтому надо действовать, и Бог тогда будет помогать!

Прот. К.В. Копейкин:

– Спасибо!